
ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

О. А. Запека

В литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Мосты» (1959, № 3), издававшемся в Мюнхене Центральным объединением политических эмигрантов из СССР в 1955–1970 гг., была опубликована статья историка Николая Осипова «Credo русского либерализма», в которой он обосновывает специфику русского либерализма, подчёркивая его национальную своеобразность. Предлагаемый автором подход позволяет по-новому взглянуть на либеральное мировоззрение, конструируемое современными политическими деятелями России, и понять, насколько оно «приложимо» к российской действительности.

Вопреки расхожему мнению, следует заметить, что сформировавшаяся в России в XIX в. либеральная идеология отнюдь не была заимствованием, «калькой» с западного образца. Конечно, корни либерализма следует искать в западноевропейской культуре и его по праву считают именно её творением. Но либерализм, как он складывался в России в то время, представлял собой вполне «почвенное» явление. Его зарождение произошло на рубеже XVIII–XIX вв., и, благодаря либерализму, как отмечает Осипов, самодержавие устояло под натиском конституционализма, в котором либералы увидели скорее врага, чем союзника. При этом следует подчеркнуть, что и конституционализм отнюдь не случайное и не подражательное явление: он представляет собой одну из древнейших русских традиций, тесно связанных с политическими настроениями и интересами боярства. В чём же заключалось противоречие между этими двумя своеобразными явлениями русской социально-политической жизни? Конституционализм всегда выражал узкосословные интересы аристократии (боярства и позднее дворянства), стремящейся отстоять свои привилегии, закрепить свой особый статус путём ограничения монаршей власти. Интересы народа ею не принимались в расчёт, и права последнего в аристократической конституции никак не могли бы быть заявлены. И нет ничего удивительного в том, что к аристократии народные массы всегда относились с подозрительной враждебностью и поддерживали деспотизм верховной власти против неё. Носителями либеральной идеи также стали представители дворянства (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.), но они были аристократами в собственном смысле этого слова — лучшими, достойнейшими представителями своего класса, считавшими крепостную зависимость нарушением естественного права человека на свободу. Конечно же, либералы, которым была дорога идея свободы личности, не могли относиться к конституции отрицательно, но они прекрасно понимали, что на тот момент народ, не имеющий никакого представления о политической и правовой культуре, был не готов признать и оценить конституционный порядок. Дворянская же конституция, по их мнению, не способствовала бы отмене крепостного права: «Перед либералами стояла дилемма: или конституция и сохранение рабства, или самодержавие и возможное уничтожение рабства. Они, не колеблясь, стали на сторону самодержавия против конституцио-

налистов, в которых видели крепостников. В их взглядах не было никакого манчестерства, но много человеколюбия. Они и против конституции восстали во имя человеколюбия»¹. Трезво оценивая сложившуюся ситуацию, либералы пришли к выводу, что только самодержавие в союзе с просвещённой частью бюрократии есть та единственная сила, которая способна освободить крестьянство вопреки интересам помещиков-крепостников. Своими идеями им удалось «заразить» виднейших царских чиновников — В. Черкасского, Я. Ростовцева, братьев Милютиных.

Носителями либеральной идеи в России были люди особого типа, в которых удивительным образом сочетались высокая культура и практическая хватка. Они были не только «диалектиками обаятельными», сохранившими верность высоким идеалам, но и «замечательными дельцами», которые только и могли осуществить великие реформы. Важно и то, что в них было «весьма мало доктринёрства и отвлечённой “принципиальности”, но очень много простой и естественной человечности»². Либеральное мировоззрение того времени было проникнуто нравственным началом, поскольку разделять этику и экономику его приверженцы не могли и не хотели. И в этом состоит коренное отличие русского либерализма от западного, основанного на принципе индивидуализма, глубоко чуждом русскому мироощущению. «Отношение либералов к народу вытекало из строя либеральной души. Они народ любили, но кумира из него не делали, хотя у них и был уклон в эту сторону. “Всё для народа, но не всё через народ”. Либералы провели свои реформы при Александре II — а это было делом поистине богатырским — помимо народа. Зато они никогда не рассматривали народ как средство. Таков был русский либерализм, и вот символ его веры:

- крепостное право должно быть уничтожено во что бы то ни стало;
- только самодержавная власть может с ним покончить;
- но для этого необходимо, чтобы она вступила в союз с либералами;
- конституция — дворянская затея, опасная для дела освобождения и, во всяком случае, преждевременная»³.

Ради дела освобождения крестьян (с землёй!) чиновники-либералы вступили в борьбу с дворянским большинством, пренебрегая порой правовыми нормами. Можно сказать, что им пришлось «отступить» от либерализма для спасения самого главного его дела. Либералы понимали это и не пытались никого вводить в заблуждение. Так, генерал Я. И. Ростовцев писал Александру II совершенно откровенно: «Смотря с точки зрения гражданского права, вся зачатая реформа от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение права частной собственности; но как необходимость государственная и на основании государственного права реформа эта законна, священна и необходима»⁴.

Либералы-чиновники были настроены очень решительно: оказавшись у власти, они не намеревались ни с кем делиться ею. Эту мысль очень чётко выразил Д. А. Милютин: «Никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициатора в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит всякий почин в каких бы то ни было реформах и на благо

страны»⁵. Из вышесказанного можно заключить, что либерализм, как он был представлен в российской общественно-политической действительности, оказался явлением противоречивым. С одной стороны, носителями либеральной идеи выступили самые достойные представители русской аристократии, подлинные патриоты. С другой стороны, либеральные идеи не нашли поддержки широкой общественности. Но какие силы составляли эту общественность? Дворяне-крепостники, чьим интересам был нанесён серьёзный урон в результате проведения крестьянской реформы? Могли ли они по достоинству оценить усилия либералов, направленные на создание новой социально-экономической и политической реальности, при условии сохранения незыблемыми самих оснований российской государственности? Дворянское большинство противилось проведению крестьянской реформы. В окружении Александра II было достаточно людей, поддерживающих подобные настроения и способных оказать давление на императора. Так, граф Шувалов и флигель-адъютант Александра II, князь Паскевич, стали авторами и вдохновителями проекта конституции, получившей название «флигель-адъютантской». Самодержавие оказалось в сложном положении, и можно с уверенностью утверждать, что спасительной стала жёсткая позиция либералов, поддержавших колеблющегося императора. На тот момент утверждение конституции означало бы серьёзный пересмотр основных положений реформы, а по сути — отказ от неё. Либералы вынуждены были прибегнуть к диктаторским методам освобождения и жёстко подавлять дворянскую оппозицию: «В то время как крепостники усвоили либеральную фразеологию и изливали потоки красноречия в защиту погранных либералами священных человеческих прав, либералы действовали орудием бюрократического насилия, оправдывая себя тем, что насилие это имеет в виду пользу крестьян и исходит от самодержавной власти. Выиграть крестьянское дело, оставаясь на правовой почве, было невозможно, оставалась почва бюрократического усмотрения. Нужно было выбирать между действительным освобождением крестьян и конституцией. Жизнь исключала возможность компромисса»⁶. По мнению Ю. Ф. Самарина, не конституция была нужна России, а «веротерпимость, прекращение полицейской проповеди против раскола, гласность независимого суда, свобода книгопечатания как единственное средство выгнать наружу все заражённые соки, отравляющие нашу литературу, а через это самое вызвать свободное противодействие искренних убеждений и честного здравомыслия; нам нужно упрощение местной администрации, преобразование наших налогов, ограничение непроизводительных расходов и так далее»⁷.

Русские либералы считали себя выразителями интересов народа и ратовали за обретение им важнейших прав и свобод, но не пытались воспитывать в нём союзника. Сами же народные массы не нуждались в политической свободе, не понимали и не могли понять её предназначения, поскольку их сознание не было подготовлено к осуществлению такого качественного скачка. То есть либеральное мировоззрение оставалось достоянием небольшой группы блестяще образованных, «утончённо культурных донкихотов», не способных идти на какие-либо компромиссы ни с конституционалистами, ни с «радикальствующими интеллигентами». Так, один из

современников, давая оценку профессиональным и человеческим качествам военного министра Д. А. Милютина, отмечал, что тот никогда не боялся потерять своё место и дорожил им только ради возможности приносить пользу и направлять события в правильное русло, был весь отдан своему делу, которому охотно готов даже жертвовать своим «я». Всё то же самое можно было бы сказать и о других чиновниках-реформаторах. Они верили в провиденциальную миссию российской власти и в возможность союза с ней, надеясь, что с отменой крепостного права власть сумеет преодолеть присущие ей «формы восточного деспотизма и византийского императорства» и превратиться в «правильно организованную, неограниченную европейскую монархию». Важнейшим условием достижения этой цели им представлялось создание «прочных самостоятельных государственных учреждений, составленных из лучших людей страны». Хотя совершенно очевидно, что построение подобного рода учреждений невозможно без благожелательной поддержки со стороны императора, которая, как правило, бывает обусловлена влиянием на него определённых лиц из ближайшего окружения. Таким образом, как замечает Н. Осипов, либеральная мысль зашла в тупик: «Но это не тупик либеральной мысли, это тупик русской действительности. И важно не то, верна или ошибочна либеральная мысль, а то, что она была именно такова. Можно её принять или отвергнуть, но недопустимо её исказить и подменять фантастическими построениями и произвольными схемами»⁸. Либералы высоко ценили состоявшийся союз лучшей части общества с лучшей частью бюрократии, благодаря которому и оказались возможны реформы. Вместе с тем они рассматривали его как счастливейшую случайность в истории России.

Согласно общему мнению либералов-шестидесятников, Россия нуждается в самодержавии (обновлённом, преобразованном), в повсеместных реформах, в добросовестной бюрократии, опирающейся на общественное мнение, гласность и свободу печати. Либералы 1880–1890-х мало отличались от своих предшественников. Они всячески подчёркивали свою непричастность к идеям буржуазного либерализма: «Так как у нас нет буржуазии в западноевропейском смысле этого слова, то нет и буржуазного либерализма, интересы которого находились бы в разладе с потребностями трудящейся массы. Либералы хлопочут у нас о том, что полезно всему народу и, следовательно, также и государству»⁹. Нельзя не заметить, что и в либералах поколения восьмидесятых «народолюбие несколько прекраснородушного характера» и любовь к свободе всё так же удивительным образом сочетаются с преданностью самодержавию, в котором и они видели прогрессивную силу, единственно способную на реформаторскую деятельность. Они были совершенно убеждены в том, что полноценное сочетание «начал законности и общественной самодеятельности с основами самодержавно-бюрократического строя» — отнюдь не оторванная от жизни утопия. Не следует забывать, что в годы реформ именно эти люди своим примером доказали возможность для бюрократии быть просвещённой и озабоченной благом общественным.

По мнению либералов, инициатива по преобразованию жизни государства и общества должна принадлежать правительству, а общественность призвана вся-

чески содействовать реализации его усилий; бюрократия может быть достойна похвалы, и на неё возлагаются надежды; её важнейшая задача — не выродиться в «клик», как говорил К. Д. Кавелин. Данная позиция получала самые разные оценки современников. Среди прочих заслуживает внимания точка зрения социал-демократа А. Н. Потресова: «Либерализм 90-х годов не развёртывал конституционного знамени, а мыслил себе необходимое реформирование старого без нарушения его основ и силами его же представителей, получивших лишь в помощь себе организованное общественное мнение»¹⁰.

Разумеется, либералы не уповали на эмпирическое самодержавие, которое вряд ли вызывало в них симпатию. И всё же они очень надеялись, что монархия рано или поздно обратится к своей подлинной природе и станет, как это было в эпоху великих реформ, «застрельщиком» необходимых обществу преобразований. Идея о решающей роли личности в общечеловеческом и культурном развитии России занимала важное место в воззрениях либералов. Самодержавие ими воспринималось как единственно возможная опора политической свободы и социальной справедливости в России. Их позиция основывалась на том убеждении, что российский народ своей волей создал и поддерживает самодержавие и другого порядка не поймёт и не примет.

Русские либералы образца XIX в. были истинными поборниками свободы: они отстаивали право на свободу не для себя, но для других. Они хорошо понимали, что свобода личная невозможна вне свободы других людей, она предполагает уважение их интересов и нужд. И в этом смысле (в понимании свободы) они оказываются выразителями ценностей, в том числе и западной, культуры. Дворянскую либеральную интеллигенцию не поддержали разночинцы: для них более привлекательным оказался идеал равенства, а не политической свободы, да и народу они были ближе и понятнее... «И всё же, — как отмечает Георгий Федотов, — пятидесятилетие, протекшее со времени Освобождения, изменило весь облик России. Интеллигенция выросла в десятки, сотни раз. <...> В 1905 г., казалось, исчезла вековая грань между народом и интеллигенцией: народ, утратив веру в царя, доверил интеллигенции водительство в борьбе за свободу. <...> Ещё пятьдесят лет, и окончательная европеизация России — вплоть до самых глубоких слоёв её — стала бы фактом. Могло ли быть иначе? Ведь “народ” её был из того же самого этнографического и культурного теста, что и дворянство, с успехом проходившее ту же школу в XVIII в. Только этих пятидесяти лет России не было дано»¹¹.

Для современной политической риторики стало уже привычным противопоставление патернализма и либерализма. Действительно, Россия — страна с традиционно высокими патерналистскими настроениями, но исключает ли этот факт возможность усвоения общественным сознанием либеральных ценностей?

¹ *Осинов Н.* Credo русского либерализма // Мосты. Мюнхен, 1959. № 3. С. 196.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Там же. С. 206.

⁹ Там же. С. 215.

¹⁰ Там же. С. 216.

¹¹ *Федотов Г. П.* Россия и свобода // *Святыя Древней Руси.* М.: АСТ, 2003. С. 628.